

Ю. Д. Гранин¹НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ
ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

В современной литературе часто смешиваются понятия «глобализация» и «глобализм». Одной из причин этого смешения является принадлежность авторов, использующих эти понятия, к разным дисциплинам и междисциплинарным парадигмам исследования. Преодолеть этот плюрализм интерпретаций можно за счет выхода в сферу трансдисциплинарных исследований — классической социальной философии, и шире — философии истории².

В этом социально-философском контексте глобализацию продуктивно интерпретировать как начавшуюся несколько тысячелетий назад *мегатенденцию к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, осуществляющуюся* в череде многих попыток и *на основе разных цивилизационных моделей развития*. Историческими субъектами глобализации на протяжении многих столетий выступали империи древности, Нового и Новейшего времени, претензии которых на мировое политическое, экономическое и культурное господство (глобализм) раз за разом наталкивались на сопротивление народов иной цивилизационной принадлежности.

Наиболее успешной и все еще незавершенной оказалась евроатлантическая форма глобализации человечества. В течение последних трех столетий ее основные субъекты — Голландия, Великобритания, Франция, Германия и США — последовательно создавали новый «глобальный порядок» за счет навязывания евро-атлантической модели развития своим колониям и сателлитам.

Сейчас евро-атлантический глобализм сместился в плоскость «символического насилия», характерной чертой которого стало формирование массовой мульт-

тикультурной среды существования (глобальной массовой культуры), появление и распространение которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

От современной культурной мозаики рябит в глазах. Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кинотеатры и театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь, как в слоеном пироге, мы можем встретить причудливые смешения стилей и товаров из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако, забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда — вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночным стратегиям которых плюральность культурной среды вполне соответствует.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют «экзотизацию» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире.

Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации, заключается в том, что она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. В итоге множественность самоидентификаций (религиозная, этническая и др.) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор около 120 научных публикаций, в т. ч. монографии «Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ», статей «Человек в поисках идентичности: вопросы и ответы», «Глобальное гражданство» или «глобальный этос»?», «Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим», «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма», «Формирование российской нации» и др.

² Теоретические представления которых о сущностных характеристиках истории человечества являются базовыми, образуя метафизические основания дисциплинарных и междисциплинарных социальных, исторических и гуманитарных исследований.

индивидуализированную массу. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того «изготовленная», мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации.

Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни. В результате социокультурное развитие человечества сегодня предстает как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству.

В этих условиях национальные культуры, по-прежнему, остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно не только оборонять свою идентичность от масскультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, сочетающая

традиции и современность для сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, — «это, безусловно, *идея национального успеха* — не марксизм-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении»¹.

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро-атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополненности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Вызывает тревогу и то, что «российская культура–цивилизация вступает в эти сражения по сути символически обезоруженной, с “голыми руками” и в своей деконструированной незащитной “телесности”» (А. С. Панарин). Шансы такого символически «разоблаченного» общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

¹ Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 38.